

А.В.Буганов,
кандидат исторических наук,
Институт этнологии и антропологии РАН

Отношение к русским царям
в народном сознании
XIX — начала XX веков²

Изучение исторических взглядов русского крестьянства на основе довольно обширного круга источников — исторического фольклора, материалов научных обществ XIX — начала XX в., мемуарной литературы и т.д. — убеждает,

¹ См.: *Даль В.* Пословицы русского народа. М, 1957 С 169, 172-173, 242-246 и др

² Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01 01 001169)

что среди крупных исторических фигур, сохранившихся в народной памяти, центральное место, безусловно, отводилось царю. Наиболее значительный след в сознании русских оставили Иван Грозный, Петр Великий, Александр I и Александр II. На образы этих государей практически не повлияло размывание монархического идеала в предреволюционный период начала XX в., чего нельзя сказать о последнем царе династии Романовых.

В 1547 г. в России впервые произошло венчание с присвоением царского титула. Более того, Иван IV стал первым русским государем, над которым при венчании было совершено церковное таинство миропомазания. В соответствии с греческими канонами царскому служению придавался теократический смысл — государь предстал перед своими подданными Божьим избранником. И в дальнейшем в основе монархизма как существенного проявления народного сознания лежало прежде всего восприятие царя как помазанника Божия. Народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью Монарха. Но при этом и сам царь осуществлял государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли. В менталитете русских государей понятие "власть" основывалось на ее божественном происхождении и на законности престолонаследования "от отцов и дедов". Линия наследования престола считалась непрерывной и в народной памяти. Когда в фольклоре провозглашали следующего царя, под ним, само собой, подразумевался сын предыдущего.

Разумеется, представления о сакральном характере власти возникли задолго до венчания на царство Ивана IV. Деятельность московских князей и царей, направленная на защиту церкви и народности, формировала в глазах русских тип национального и государственного лидера, окружая его ореолом святости. Но именно воцарение Ивана IV в наибольшей степени способствовало утверждению в народном самосознании идеи преемственности Богом данной монархической власти.

Память о первом русском царе его современников и потомков вобрала в себя самые полярные оценки: сказались особенности исторического развития отдельных регионов. В XIX столетии предания о Грозном царе, содержавшие преимущественно лестные оценки его правления, были особенно распространены в Нижегородском крае, через который в 1552 г. пролегал путь царского войска к Казани¹. Практически в каждом из селений, расположенных близ

¹ По мнению ряда исследователей, в массовом сознании царское достоинство Ивана IV связывалось не столько с венчанием 1547 г., сколько с покорением Казанского ханства ("царства"). В средневековой литературе было распространено представление, что царем можно стать в результате завоевания "царства". В некоторых песнях воцарение Ивана IV даже совпадало с походом на Казань. См.: *Плюханова. М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С 188—190; *Горский А.А.* Представления о "Царе" и "Царстве" в средневековой Руси (до середины XVI в.) // *Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества.* М., 1999. Вып. 2. С. 30.

маршрута казанских походов, были хорошо известны песни и сказания о событиях XVI в., а основные факты местных преданий совпадали с летописными сообщениями (например, в фольклоре довольно точно указывались царские станы).

Отрицательная трактовка образа Ивана IV, резко отличная от устной традиции Поволжья, отчетливо видна в новгородских и псковских преданиях. Для них характерны сюжеты, связанные с погромом Новгорода Великого в 1570 г. В преданиях повествовалось о царе, который был обманут злым доносчиком, учинил расправы над невинными людьми, но затем был вразумлен Господом, каким-либо святым угодником или раскаялся посредством Божьего чуда.

С течением времени взгляды на первого русского царя менялись. В 60—70-е годы XVI в., в разгар опричнины, в фольклоре преобладала критика в адрес Ивана Грозного: царь, мол, обманул старика, в образе которого явился Господь, завел тем самым на Руси измену, которую теперь не искоренить. Отношение к опричнине в народной среде было противоречивым. С одной стороны, она оценивалась как ревностное государственное служение, наказание бояр-изменников воспринималось с одобрением. С другой стороны, не менее ощутимо в фольклоре и неприятие жестокости, несправедливых притеснений; гибель невинных людей никогда не оправдывалась.

С начала XVII в. в народном сознании начинается идеализация Ивана Грозного. Бедствия Смутного времени заслоняют произвол и беззакония опричнины. Все более привлекательной становится мысль о сильной власти. Время Ивана IV рисуется теперь как благополучное, а сам он предстает искоренителем неправды.

Будучи в представлениях крестьян "справедливым государем", Иван IV в ряде преданий был "выбран в цари из бедняков, по указанию свыше". Подобная трактовка справедливой царской власти, связанная с демократическим происхождением ее носителя, выражала мечту крестьян о своем, понимающем мужицкие нужды монархе. К концу XIX столетия, спустя более чем 300 лет после его смерти, память об этом ярком историческом лице сохранялась среди крестьян в общенациональных масштабах. Суть народного взгляда на Ивана IV подметил один из корреспондентов Тенишевского этнографического бюро: "Причиной всякого несчастья и гонения народ считает грех перед Богом. Исходя из этого убеждения, народ признает Иоанна Грозного карателем, посланным от Бога. На этом основании крестьяне не винят этого царя за его неистовство"¹. Мрачные годы опричнины считались небесной карой, ниспосланной на Россию за общенародные прегрешения.

В XVIII-XIX вв. повсеместно бытовали воспоминания о Петре Великом. С начала XVIII столетия в историческом фольклоре при-

¹ Русский этнографический музей. Ф. 7. Оп 1. Д. 1558 Л. 3.

знавалось величие Петра I как полководца и царя, лишенного словесных предрассудков. Солдаты воспевали победоносного "первого императора". Понятие "службы царю" в военных песнях преобладало над идеей служения Отечеству (впрочем, этот мотив традиционен — издавна ратники служили не государству, а тому или иному государю, князю; в идее "служения государю" отражались еще родовые общественные связи, наложившие отпечаток на всю древнерусскую государственную систему).

В народной памяти Петр I — неизменно православный царь: "Как возговорит наш батюшка православный царь, Всей ли же России Петр Алексеевич". Характерной особенностью воззрений русских, проявившейся и в восприятии Петра I, было глубоко укоренившееся семейное, родственное отношение к царю. Монарх был не первым дворянином в государстве, как в Западной Европе, а именно царем-батюшкой. При этом в царя-батюшку, пожалуй, как бы верили. Недаром, осуждая кого-либо, говорили: "Да, что там... Он в Царя-Бога не верует!" Этим было сказано все — негодный, мол, человек. Соответственно, и лояльность по отношению к царской власти была делом богоугодным. Крестьянскую избу украшали любимыми иконами и портретами русских государей.

По-видимому, с Севера шла традиция изображения Петра I как "мужицкого царя". Вспоминали, что бродил он по мхам и болотам, являлся народу с топором за поясом и молотком в руках, останавливался на ночлег и крестил дочь хозяина, как решительно все умел сработать: рубил дрова, плел лапти и т.п. В представлениях простых людей происходило своего рода *окрестьянивание* царя.

Примечательно, что подобная оценка Петра I сохранилась в краю, где была жива старообрядческая традиция, которая объявляла Петра I не *природным*, а подмененным царем, противопоставляла ему *истинного царевича* Алексея и даже считала первого российского императора антихристом. Практически все известные легенды подобного рода возникали не столько среди крестьянства, сколько в других, более "заинтересованных" слоях старообрядцев и бояр — сторонников царевны Софьи и царевича Алексея. В XIX столетии легенда о Петре-антихристе трансформировалась: он стал не "последним антихристом", а первым, открывающим ряд русских императоров, якобы служивших Сатане. Наиболее вескими доказательствами того, что Петр — антихрист, как и раньше, оставались три аргумента: императорский титул, календарные изменения и перепись населения для подушного оклада. Гораздо реже теперь встречались обвинения Петра I в изменении обличья русского человека.

Оппозиционные настроения в раскольничьих толках, особенно на Севере, были связаны с нарушением конфессиональной однородности русского общества. И все же, несмотря на наличие радикальных взглядов в некоторых старообрядческих согласиях, готов-

ность низложить Петра I, даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность. Напротив, оставаясь последовательными и искренними монархистами, всячески подчеркивали свою верность *истинному* монарху.

Среди большинства русских жителей Севера, несомненно, гораздо активнее жили воспоминания, идеализировавшие личность Петра I. Преобладало (и упрочивалось с течением времени) историческое понимание его свершений.

Если внешняя история царствования Петра I довольно легко воспроизводится по историческим песням, то многое во внутренней стороне его деятельности — преобразовательная программа, обширные политические замыслы, сближение с Западом — не слишком привлекало народ и (за редкими исключениями — например, песня "Поездка Петра за границу") не вошло в фольклор.

Несмотря на воспевание отдельных сторон деятельности царя-преобразователя и на окрестывание его образа в народной среде, с именем Петра I крестьяне никогда не связывали надежды на освобождение от "крепости". Об этом свидетельствует и отсутствие Петра I в числе "царей-избавителей" в легендах социально-утопического характера XVIII—XIX вв.

С начала XVII до середины XIX в. традиционная линия идеализации царя в народном сознании соседствовала с социально-утопическими устремлениями, нередко воплощавшимися в образе государя *ожидаемого*, противопоставленного реальному. Легенды об *избавителях* особенно интенсивно возникали в периоды междоусобия, особенно в случаях, когда правящий царь не был *прямого царского корня* (Годунов, Шуйский, Екатерина II). Первоначально образ избавителя в крестьянских представлениях имел расплывчатый характер. Более конкретные черты он приобретал, как правило, с появлением самозванца. К.В.Чистов доказал, что с начала XVII и до середины XIX в. едва ли можно обнаружить два-три десятилетия, не отмеченные появлением самозванца¹.

Чем дальше уходили в прошлое времена Ивана Грозного и Петра Великого, тем больше эти правители почитались в народе. Тем не менее общая тенденция к идеализации этих монархов не исключала и некоторые различия в их изображении, восходившие к началу XVIII столетия: если Иван IV для крестьянина XVIII-XIX вв. представлял собой преимущественно абстрактный образ сурового государя, то Петр I наделялся живыми человеческими чертами. Как уже отмечалось, сохранившиеся в XIX в. отрицательные оценки этих царей либо были связаны с особенностями исторического развития отдельных регионов, как в случае с Иваном

¹ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М, 1967. С. 184, 185, 222.

Грозным, либо объяснялись религиозными мотивами, в частности, неприятием Петра I в старообрядческой традиции (критические оценки царей были вообще чрезвычайно редки в фольклоре; помимо указанных, можно упомянуть трактовку Алексея Михайловича в песне "Осада Соловецкого монастыря").

Основными вехами в народном взгляде на царствование Александра I (и основными фольклорными сюжетами) стали Отечественная война 1812 г. и смерть императора.

В песнях о войне Александр I, подобно своим предшественникам, предстал как символ национального достоинства: *"Все стояла бы, да, мол, // Сила за царя..."*

Однако характер изображения государя в этот период скорее был все же данью традиции, нежели свидетельствовал о признании его реальных заслуг. Фольклорный Александр I явно проигрывает Петру I, который вместе со своими "дегушками-солдатушками" готовился встретить шведского короля. Более того, от угроз Наполеона "наш православный царь призадумался... его царская персонушка переменялась". В песнях XIX в. о борьбе с внешними врагами образ царя постепенно тускнел, на передний план выдвигался патриот-полководец (следует, правда, отметить, что противопоставление народного героя и правителя намечается еще в былинные времена, когда Илья Муромец становится заступником князя Владимира перед "татарскими" набегами). Сказалась здесь и характерная в целом для народного сознания склонность при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам. Современные крестьянам монархи проигрывали в сравнении с царями "славного прошлого".

Значительный комплекс слухов, версий, догадок был связан с одной из самых загадочных страниц русской истории — кончиной в 1825 г. императора Александра I. Почвой для слухов стали не только таинственные обстоятельства смерти царя, но и широко известная его набожность. В легенде о Федоре Кузьмиче самым тесным образом слились имена двух людей — русского императора, спасителя Европы от Наполеона, и неизвестного сибирского старца.

Причина длительного бытования этой легенды, несомненно, заключена в религиозном сознании русских людей. В народе хотели верить и горячо верили, что в едином образе сочетался могущественнейший из царей и бесправнейший из его бесправных подданных. В Федоре Кузьмиче воплотилась идея искупления государем того великого греха, который не должен быть никому прощен, греха убийства или причастности к нему (имеется в виду убийство отца Александра, императора Павла I).

Необычайно популярен в народе был Александр II — Царь-Освободитель. Надежды на волю постоянно воспроизводились в крестьянской среде, и не удивительно, что 19 февраля 1861 г. остава-

лось памятным рубежом в общественном сознании. Вплоть до смерти императора депутаты крестьян и горожан подносили ему благодарственные адреса, впоследствии собирались средства на строительство часовен и церквей в память о нем, на народные деньги был сооружен памятник. Воспоминания о том, что "государь-император Александр Николаевич волю дал", были зафиксированы корреспондентами различных научных обществ в конце XIX — начале XX в. почти по всей России. В конце столетия в некоторых местностях 19 февраля жители праздновали день освобождения.

Огромное впечатление произвела на общество гибель царя. Большая часть крестьян поддерживала официальную версию о покушавшихся на Александра II как злодеях-цареубийцах, антихристах¹. Убийство императора расценивалось как месть дворян царю за его намерение отобрать у них землю и безвозмездно передать ее крестьянам. Освобождение крестьян и убийство государя напрямую связывались: "За нас покойничка убили, што ен нам волю дал, царство ему небесное". В исторических песнях погибшего императора изображали царем-мучеником, пострадавшим вслед Христу за свой народ и оставившим земную жизнь, святым или Христом-Богом.

В конце XIX — начале XX столетия народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаляясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольклорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер (в фольклоре XIX в. мифологичность была скорее стилистической жанровой особенностью, позволявшей придерживаться обобщенного фольклорного прототипа), то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и излишне критически. В незначительной степени это расхождение между фольклорной традицией и фигурой реального монарха было свойственно восприятию Александра III. Гораздо заметнее размывание монархического идеала сказалось в отношении к последнему царю династии Романовых Николаю II.

Анализ паремиологических материалов, судебно-следственной документации и других показывает, что большинство россиян на рубеже веков воспринимали носителя верховной власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем монархии абсолютной ("Нельзя земле без царя стоять")².

¹ Вплоть до 1917 г. идея цареубийства не находила отклика в сознании основной массы крестьянства. Судебно-следственные дела, в которых содержались необоснованные, а тем более обоснованные мотивы цареубийства, были чрезвычайно редкими.

² См.: *Черняев Н.* Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С 131-151; *Лобачева Г.В.* Отражение монархических воззрений русского народа в паремиологических материалах второй половины XIX-XX веков // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1994. С. 9, 11-12; *Иенсен Т.В.* Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (На примере Костромской губернии): Дис... канд. ист. наук. М., 1999. С. 17, 52.

К началу правления Николая II ресурс монархизма был достаточно прочен. Когда во время коронации 1896 г. случилась ходынская давка, царя в народе не винили, а жалели его и задавленных. В песне о Ходынке Николай II среди виновников катастрофы не фигурировал.

Начало разрушению монархического идеала в народном сознании было положено 9 января 1905 г., когда тысячи рабочих с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили. Но вместо переговоров был расстрел, и тем самым была подстрелена (но еще не расстреляна) вера в царя.

Чуждые сознанию народа лозунги и перспективы русско-японской войны и, конечно же, ее неудачный исход также вели к критике государственной политики. В судебно-следственных делах, возникших в связи с осуждением крестьянством тягот этой войны, зафиксировано, что крестьяне проявляли недовольство, анализировали причины военных поражений. Некоторые из них приходили к выводу, что в бедах русской армии была виновна прежде всего царская семья и конкретно император Николай II.

Показательно, что когда отмечалось 300-летие династии Романовых в 1913 г. и повсюду были отданы приказы устраивать торжества, воодушевления у народа, не говоря про класс интеллигенции, не наблюдалось. Да и сами торжества скорее были попыткой сплотить народные массы вокруг царя, бросить вызов всем тем, кто поддерживал представительные органы.

В начале Первой мировой войны в 1914 г. имел место небывалый и, вероятно, последний искренний всплеск монархических настроений. По всей России происходили многочисленные манифестации, во главе которых несли русские национальные знамена, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Из разных мест поступали пожертвования.

В годы войны в Костромской губернии активно работало местное научное общество по изучению местного края (КНОИМК). Корреспонденты общества фиксировали представления крестьянства о газетах и журналах военного времени, отношении к войне и внешней политике государства, представления о будущем послевоенном устройстве России. Почти все корреспонденты отмечали, что "видна в народе горячая молитва к Богу", "более стали усердствовать Богу и делать милосердия". "Переполнены храмы Божии народом, — писал крестьянин Нерехтского уезда В.Мамонтов, — и молят Бога о победе нашим войскам". Ответы на анкету со всей достоверностью свидетельствуют, что крестьянство надеялось в войне прежде всего на Бога и потом на царя¹.

Однако последовавшие военные неудачи неизбежно вели к падению авторитета Николая II, усилиями революционеров-пропагандистов в войсках "царь-батюшка" сменялся уничтожительным Николашка.

¹ Костромская деревня в первые годы войны: Сб. статей и документов // Труды КНОИМК. Кострома, 1916 Вып. 5. С. 90; *Иенсен Т.В.* Указ. соч. С. 19-20, 130

Иссякал исторический ресурс монархизма как мировоззрения. Крах российской государственности в значительной мере стал следствием девальвации в общественном сознании образа помазанника Божия, являвшегося в течение многих веков символом государственности России, воплощением ее религиозной и национальной идентичности.